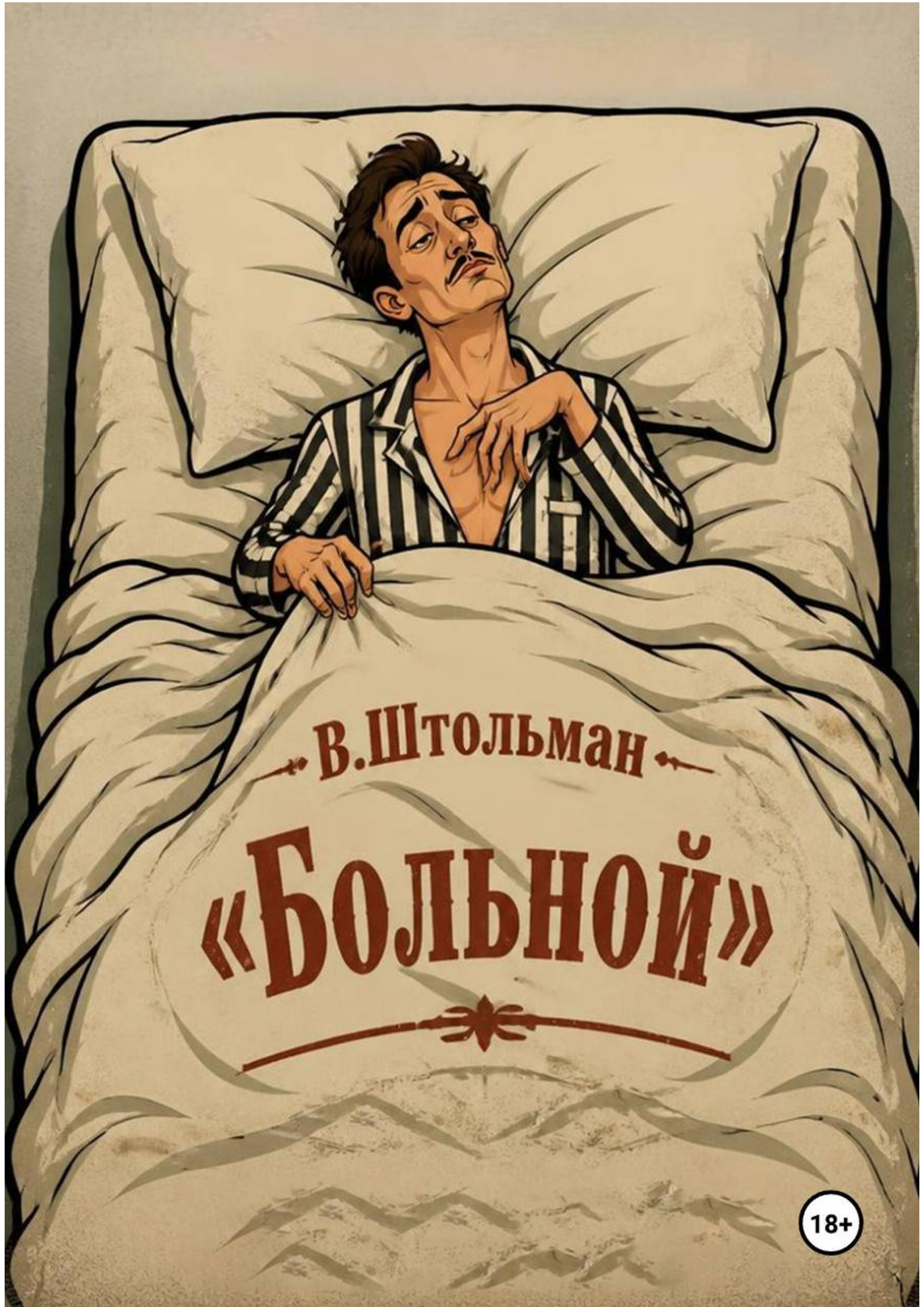

В.Штольман

«БОЛЬНОЙ»

18+

Виталий Штольман

Больной

«Автор»

2026

Штольман В.

Больной / В. Штольман — «Автор», 2026

"Больной" - пьеса в двух актах. Один день, одна квартира, один человек, который не может попасть по зеленой трубке в телефоне, грызет батарейку от часов и цитирует Ницше, которого не читал. Бытовая трагикомедия с псевдоинтеллектуальным гротеском о том, как мир осаждает звонками, а человек сидит под одеялом и готовится к смерти... Пока не зазвенит дверной звонок.

© Штольман В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКТ ПЕРВЫЙ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виталий Штольман

Больной

АКТ ПЕРВЫЙ

Однокомнатная квартира, вытянутая в линию: кухня, комната, коридор с совмещенными туалетом и ванной, входная дверь. В комнате на кровати просыпается Проверялкин в пижаме в черно-белую полоску, на одной ноге носок с логотипом пачки соли, на второй – носок с логотипом пачки соды.

ПРОВЕРЯЛКИН (Хватается за голову). Голова... Моя бедная больная голова. Как на работу идти-то? Не спал толком всю ночь. Нет, так не пойдет. Точно не пойдет. (Шепчет). Смерть идет за мной. Я слышу ее шаги. Я слышу скрежет ее косы по шершавым стенам подъезда. И так ремонт не делали сто лет, а тут еще и она. Портит.

Проверялкин встает с кровати, открывает дверку в шкафчике, роется.

Где же ты, чертов градусник? Где? Не дай бог, разбился, а то ж ртуть вытечет... Придется переезжать, а я только ипотеку выплатил.

Проверялкин находит градусник, внимательно осматривает его.

Вроде целый. Фух! Переезд отменяется!

Проверялкин втыкает градусник под мышку и вновь ложится на кровать, укрывается одеялом.

Что это за житейская необходимость поддаваться проискам плоти? Как на работу идти? Еще и работать же там надо. Нет. Я не могу. (Достает градусник, смотрит). Тридцать шесть и два. Не может быть. Еще не нагрелся. (Сует градусник обратно). Все это пространство радуется моей болезни. Только и ждут смерти! Выжили человека, да? Распад – не случайность, распад – фееричное зрелище... Любопытный штрих: приедет моя сестра и все тут переставит. Поняли? Шкаф, тебе не повезло больше всего! Тебя выкинут! Не вписываешься в ее дизайнерские задумки. Разломают и выбросят. В вечность. Будешь гнить на помойке, как и твой хозяин, которого ты недолюбливаешь. Такое вот тяготеющее над нами проклятие. (Прислушивается). Нет, это не смерть. Это соседские дети в школу пошли. Учение – свет, а не учение – тьма. Думают, что если будут хорошо учиться, то в жизни им воздастся. Ага-ага. Ты тоже так думал. Батя тебе все тоже самое говорил. И где ты теперь, Иван Иванович? На заводе работаешь. За гроши. (Достает градусник, смотрит). Тридцать шесть и два. Как же так? Пропотел за ночь или остываешь? Скорее, второе. Как холодно. Сейчас посинеешь и окочуришься, а квартира сестре достанется. Она даже спасибо не скажет. Она ж младшая, ей все и всегда должны. Маленькая танцующая душа с фальшивым смирением. А ты, Иван Иванович, сам. Сам, да сам. И учись сам. И работай сам. И квартиру сам. А ей... Эх!

Проверялкин закрывает глаза, лежит, открывает глаза, отбрасывает одеяло, ощупывает себя.

Все болит! Как же все болит! Невыносимо! Ведь был живой и темпераментный, а что теперь? Усталый и потрепанный. На кой мне эти страдания? На работу не пойду. Отгул возьму. Два. У меня ж они есть? Есть!

Проверялкин садится на край кровати, смотрит на разные носки, болтает ногами.

Надо начальнику звонить. Сколько время?

Проверялкин смотрит на настенные часы, часы стоят, он подходит к часам, стучит по ним, снимает со стены, вытаскивает батарейку, трет ее, грызет, вставляет обратно, вешает часы обратно.

Встали. Бесповоротно и окончательно. Знак... Смерть уже где-то близко. Стоп! Если дети пошли в школу, то сейчас около восьми. Даже если выйду сейчас на работу, то опоздаю. Эх, не судьба! Позвоню чуть позже, они как раз меня искать будут. Главное, не помереть до этого момента. А то уволят еще с позором, а я тут помер. Неудобно как-то.

Проверялкин встает, идет в ванную, чистит зубы, затем идет на кухню, включает чайник, возвращается в коридор, перед зеркалом начинает делать гимнастику шеи.

Как-то лень. Может, не делать? Я же больной, при смерти. Уважительная причина. Можно и пропустить разок. (Внимательно смотрит в отражение). Что ты, Иван Иванович, смотришь на меня с осуждением? Дисциплины в тебе нет. Сознательности. Я помню, что говорил доктор Суставов. Все проблемы от зажимов в шее. Кровь не поступает в затылок, а там центр управления полетами.

На кухне вскипает чайник. Проверялкин крутит головой в разные стороны, трогает голову, давит на глаза на уши, открывает и закрывает глаза, открывает и закрывает рот, двигает челюстью.

Пугающее везение. Вроде голова прошла, на том и закончим с зарядкой. Завтрак.

Проверялкин идет на кухню, заваривает быстрорастворимую овсяную кашу, ест.

Что начальнику сказать? Заболел? Скажет: «Бери больничный!» На кой мне больничный? И так денег нет, а тут еще и больничный. Полежу пару деньков. Четверг. Пятницу. Там и выходные. И все! В понедельник, как огурец! А если не отпустит? А я уже опоздал. Штраф начислят. Премии лишат. Ситуация крайне неприятная. Изысканная форма отчаяния. Где мой телефон?

Проверялкин возвращается в комнату, рыщет по кровати, путается в одеяле, борется с одеялом, находит телефон, звонит начальнику из-под одеяла.

Алло, Филипп Филиппович, здравствуйте! Проверялкин. (Картинно кашляет и шмыгает носом). Заболел что-то. Можно два отгула возьму? На, больничный не пойду, много работы. Кто же ее делать-то будет? Спасибо, Филипп Филиппович. Рапорт потом напишу задним числом. Спасибо.

Проверялкин вылезает из-под одеяла, кладет телефон на журнальный столик, садится на край кровати.

Обременительная искренность плюс власть образа равно ключ к освобождению... Теперь можно и поспать!

Проверялкин ложится на кровать, укрывается нормально. Вибрирует телефон.

Началось в заводе утро! Кто там еще?

Проверялкин тянется за телефоном, падает с кровати, вскакивает, хватается за телефон, пытается попасть на зеленую трубку, промахивается, еще раз жмет, не попадает, трет телефон о пижаму, нажимает снова, попадает, прикладывает телефон к уху.

Алло! Здравствуйтесь, Алиса! Я помню, что у нас приемо-сдаточные испытания в девять. Не приду... А вот так... Заболел... Не знаю, что вам делать... Позвоните нашим... Кто-нибудь придет... Когда-нибудь выйду... До понедельника не ждите... Я при смерти... Спасибо, буду стараться... До свидания, Алиса!

Проверялкин радостно нажимает на красную трубку, затем кладет телефон на журнальный столик, укладывается спать, укрывается одеялом.

А теперь можно и поспать!

Вибрирует телефон. Проверялкин тянется за ним, но осекается.

Но-но-но. Знаем, плавали.

Проверялкин аккуратно встает, подходит к журнальному столику, берет телефон, трет его о пижаму, нажимает на зеленую кнопку, прикладывает телефон к уху.

Алло! Здравствуйтесь, Анжела Циркулевна! (Долго слушает). Анжела Циркулевна, я на больничном... Не знаю, ничего не знаю... Незаменимых людей нет, так у нас на заводе гово-

рят... Найдите кого-то, кто примет ваши жгуты и блоки... Спасибо, буду стараться... До свидания, Анжела Циркулевна!

Проверялкин радостно нажимает на красную трубку, затем кладет телефон на журнальный столик, укладывается спать, укрывается одеялом. За окном раздается звук экскаватора. Проверялкин накрывает голову подушкой, лежит, переворачивается, снова накрывает голову подушкой.

Нет, это невыносимо! Просто невыносимо! Что за беды и прорехи? Что за монтаж парадоксов? Одни людоеды вокруг. Дайте мне спокойно умереть! В тишине!

Проверялкин подходит к окну, слегка открывает занавеску, чтоб его не было видно с улицы.

В датском королевстве все прогнило... Копают они! Все копают и копают! Главное – величие замысла... А не надо было новые дома на старых трубах строить! Разбазаренная гениальность горстки неомраченных умов... Сэкономили? Поди провели по бухгалтерии, что новые трубы положили. Ворье! НКВД на вас нету! К стенке сейчас всех бы поставили... Вы посмотрите-ка. На один экскаватор четыре проверяющих. Все на телефоны снимают. Да-да, не забудьте фотоотчет в министерство сдать. Какие молодцы! Сами проблему создали, сами решили! Медаль надо дать. За заслуги перед ЖКХ первой степени. Нет, высшей. Самой высшей.

Проверялкин берет телефон с журнального столика, записывает голосовое сообщение.

Доброе утро, любовь моя! Представляешь, я тут заболел... А они... Они... Ну, ты поняла! Сначала пришлось начальнику звонить... За законные отгулы в роль входить... Монопьеса «Иван Иванович и критерии подлинного утверждения». Станиславский мной бы гордился... А как по-другому? Это в выходные работай ты просто так, а на отгулы у тебя должна быть причина... Важная и официальная. Как будто свои отдают. Лег поспать. Всю ночь не спал, думаю, ну хоть сейчас выплусь. А им все что-то надо и надо от меня. Эталоновой испытания проведи, Микрометровой жгуты с блоками прими... И одна за одной, одна за одной... Сговорились они там все в этом ОТК? Собрались на пятиминутке и давай бедному Проверялкину звонить. А Проверялкин при смерти. Волнует их это? Не волнует, конечно же. Никого не волнует, кроме Проверялкина. Ненавижу их мытую самодовольную жизнь... Трубы еще тут копают. Каждую весну и осень копают. Клад ищут, я уверен. Золото инков. Ну или каких-то других племен, что в Люберцах водились. Любовь моя, а ты, кстати, знала, что у нас тут тысячу лет назад люди жили? Археологи нашли могильники. Это я в краеведческий музей когда-то ходил. Надо и нам с тобой сходить. У нас тут много интересного. Кутузов стоял, когда из Москвы отступал. Гагарин в техникуме учился. Чехов в баню приезжал. Раневская первый раз в театре выступала. Правда, в открытом, и он уже сгорел, но факт. Как выздоровею, обязательно пойдем. На следующих выходных. Не на этих в смысле. На тех. Ну ты поняла.

Вибрирует телефон. Проверялкин с ненавистью смотрит на экран.

Тебе еще что надо? ОТК перебесилось, теперь конструкторский отдел в дело пошел?

Проверялкин нервно тыкает на зеленую трубку на экране, нервно подносит телефон к уху.

Да... Проверялкин – это я... И Иван Иванович – тоже я... Ага... Какие ТУ? А-а-а-а, понял... У меня. Нет, не смотрел. Уважаемый Федор Федорович, сейчас все брошу и побегу посмотреть ваши ТУ... Всем надо. Вас много, а я один... И вообще раньше понедельника смотреть не буду... Потому. Я на больничном. Не нравится? Начальник мой, знаете, где сидит... Что значит, как ТУ взять? Я дома. Ключи от кабинета при мне. А без меня там нельзя лазить... Что значит почему, Федор Федорович? Вы вообще нормальный человек? Домой еще ко мне приходите, тут посмотрите. Гулять, так гулять... И вам не болеть, Федор Федорович! (Проверялкин зло жмет на красную кнопку на экране и кладет его в карман). В печенках сидят уже эти конструктора... Светила науки... Несокрушимая убедительность у них... Муки рож-

дения мысли... Делать ничего не хотят, только и ропщут: «Подпишите, Иван Иванович, подпишите!» Знаем мы ваши научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы... Жгут чуть длиннее сделали, ну или короче... Вот и вся интеллектуальная конструкция... Истинное познание идеи. Становление и сила науки. Незыблемая святыня ткани бытия. Трагедия издали, комедия вблизи. Прогресс! Так и живем... Выдающиеся ученые, чтоб их... Эх!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.